

Иван Иванович Панаев

**Опыт в драме – Нового
Поэта**

Иван Иванович Панаев

Опыт в драме – Нового Поэта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22139537

Аннотация

«Я, новый поэт, имевший честь представить в первом номере «Современника» на суд публики несколько мелких моих стихотворений, отважился теперь на творение более строгое и обширное... приношу на суд публики плод долговременных трудов моих и глубокого изучения. Скажу смело: «Доминикино Фети» произведение гениальное, громадное, шекспировское. Однако ж, на первый раз не решаюсь печатать его вполне: в нем с лишком сорок тысяч стихов. Странное дело! Не могу писать коротко, а сократить жаль: свое, родное, вылившееся из сердца, при священном наитии вдохновения!.. Читайте и судите!..»

Содержание

Два отрывка из драматической грезы «Доминикино Фети[1], или Непризнанный гений»	5
Действие I	5
Действие VII	11

Иван Панаев

Опыт в драме – Нового Поэта

Я, новый поэт, имевший честь представить в первом номере «Современника» на суд публики несколько мелких моих стихотворений, отважился теперь на творение более строгое и обширное... приношу на суд публики плод долговременных трудов моих и глубокого изучения. Скажу смело: «Доминикино Фети» произведение гениальное, громадное, шекспировское. Однако ж, на первый раз не решаюсь печатать его вполне: в нем с лишком сорок тысяч стихов. Странное дело! Не могу писать коротко, а сократить жаль: свое, родное, вылившееся из сердца, при священном наитии вдохновения!.. Читайте и судите!..

Два отрывка из драматической грезы «Доминикино Фети¹, или Непризнанный гений»

Действие I Выход 2. 1609

Картинная галерея в Мантуе. Доминикино Фети прохаживается по зале в глубокой и многозначительной задумчивости. На глазах его живительные слезы. Вдруг он останавливается, поднимая руки горе перед картиною Джулио Романо.

Фети

Гори огнем священным, сердце,
Гори! Мне любо и легко взирать
На дивные создания искусства!
О Джулио Романо! о великий мастер!

¹ Художник римской школы, родившийся в 1589 году и умерший в 1624. – Сии драматические грезы требовали обширной эрудиции. Купно с выходом целой Грезы мы представим читателю и необходимые к оной примечания и оправдания. – Автор.

Ты, кистью чародейственной владея,
В красе и блеске состязался с небом!
Во прах, во прах перед твоим талантом!

(Упадает на колени перед картиной. Через немного времени встает, отряхается, протирает глаза. Холодный пот льется по его челу. Он снова смотрит на картину и, преисполняясь восторгом, начинает скакать и прыгать, напевая.)

О Романо! О Романо!
Это диво – не картина!
Чудо мысли, исполненья,
Страсти, силы, вдохновенья...
И легко, и вместе жутко,
Дрожь по телу пробегает,
Искры сыплются из глаз,
И пленительные звуки,
Расплетаясь и сплетаясь,
Будто змеи обвивают
Утлый, бранный мой состав!
Страшно! дивная минута!
Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!
Тра-ля-ля, ля-ля-ля-ля!

(В изнеможении упадает на стул. Затем величественно поднимается и произносит медленно и строго.)

Условия искусства глубоки!
И путь его исполнен бурь и терний.
Художник – не ремесленник. Он должен
Прежде всего иметь запас идей и нечто,

(сжимаемая руку в кулак)

Что избранным из избранных дается.
Я чувствую: во мне есть это нечто...
В груди растет зиждительная сила,
По жилам вместо крови льется огонь...
Не для земной и мимолетной славы
Я предаюсь великому искусству,
Не для себя, не для людей – для бога!
И жизнь моя пойдет легко и плавно,
Озарена священным вдохновеньем...
Спасибо, Джулио Романо! Он
Мне указал мое предназначенье;
Двукратное – и от души спасибо
Великому!..

Во все продолжение времени, покуда, под наитием художнического восторга, Доминикино Фети говорил, скакал и прыгал, в глубине галереи стояла не замеченная им девушка (*Анунциата*), с умилением взиравшая на него.

Анунциата
(про себя)

Как он хорош сегодня!
Он облит весь лучами вдохновенья,
И блеск в очах, и гордая улыбка...

(Невольно громко.)

О Доминик!

Фети

(будто просыпаясь)

Кто звал меня?..

(Озирается... и, с удивлением увидев Анунциату, подходит к ней робко, с потупленным взглядом.)

Анунциата! вы ли? как! откуда?..

Анунциата

(приседая с застенчивостью)

Синьор художник... боже... извините...
Я здесь нечаянно...

Фети

Анунциата!

Долгое и красноречивое молчание. Лицо Анунциаты постепенно одушевляется, глаза ее начинают сверкать, стан выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позе ее что-то пророческое... Она смотрит на Фети и говорит.

Анунциата

Великий боже! что со мною? я дрожу.

(Громко и сильно.)

Внимай, внимай пророческому слову,
Из уст моих ты слышишь голос свыше.
Страшный путь ты избрал, Фети!
И на избранном пути
Для тебя расставят сети
Злоба, зависть; но идти
Должен ты по нем, лелея
Светлый, чистый идеал,
Не ропща и не робея;
Бог тебя сюда призвал...
Для великого!.. А люди...
Но ты пиши не для суда мирского,
Бессмыслен и пристрастен суд людей...
Есть суд другой – и есть другое слово...
Его-то ты вполне уразумей!..

(Исчезает.)

Доминик, пораженный сими словами, пребывает с минуту безмолвен, с опущенной головой. Потом поднимает голову, ища глазами Анунциату.

Фети

О дивное, прекрасное явление!
О неземная!.. где ты? погоди,
Не улетай... Благодарю, создатель!
В ее устах Твое звучало слово!..
Мне слышатся еще досель те звуки
Гармонии чистейшей!.. Как светло!..
Как хочется мне плакать и молиться!
Как грудь кипит! как сердце шибко бьется,
Рука к холсту невольно так и рвется...
Мой час настал. Великий, дивный час!..
За кисть, за кисть, Доминикино Фети!..

(Убегает.)

Действие VII

Выход предпоследний

Через пятнадцать лет после предшествовавшей сцены. В Риме, в мастерской художника.

Фети

(худой и бледный пишет картину и вдруг останавливается, мрачно поводя глазами)

Нет, кончено, остыло вдохновенье...

Не воротить минувшее мгновенье!..

(Толкает ногою станок, на котором стоит картина. Картина падает.)

Прочь с глаз моих!.. Ну, веселитесь, люди!

(Рвет в бешенстве кисть, бросает ее и топчет ногами.)

Сбирайтесь смотреть на мой позор...

И вы, завистники с змеиною улыбкой,

Художники! собирайтесь сюда...

Я изнемог!.. довольно... нету сил;

Червь внутренний мне сердце источил!..

Башмачник я, ремесленник презренный,

А не художник, славой осиянный!

(Хохочет дико.)

Разбит во прах мой велелепный сон!

(Задумывается и через минуту.)

А сон тот был и чуден, и прекрасен...

Казалось мне тогда, что я восстану

В лучах, в венце и в нестерпимом блеске,

Величием, как ризой, облачен

И молниєю славы опоясан!

Колебяся под куполом святыни,

Я радугу хотел сорвать с небес;

С природою я мыслил состязаться;

Пересоздать небесные светила;

Луну и солнце с неба перенести

На полотно. И кистью исполинской

Хаос, и тьму, и ад изобразить

На диво, страх и трепет человеку!..

Я мыслил сжать в одно произведение

Громадное – все божий миры!..

(Немного погодя.)

Искусства царь, в регалиях моих,

Я плавал бы над миром изумленным,

И на меня в немом благоговеньи

Смотрели б очи тысячи людей...
И голос мой тогда бы с высоты,
Подобно грому божьему, раздался:
О люди, на колени!.. Не предо мною, люди...
Пред искусством!.....
..... А нынче что я?
.....

(Приближает к себе бутылку с вином и указывая на нее.)

Вот кто теперь единственный мой друг,
Единственное благо мне дающий, —
Забвение...

(Пьет.)

Как сладко в душу льется
Живительный и пурпуровый сок!
Как весело мечтается и пьется!..

(Выпивает залпом несколько стаканов вина и по некотором молчании.)

Что вижу я?.. Окрест меня собрались
Архистратиги дивные искусства,
Великие!.. Так точно, это он,
Божественный творец «Преображенья»,
И он, создатель «Страшного суда» —
Сой строгий и суровый Бонаротти...

Вот нежный, утонченный Гвидо Рени...
Страдалец вдохновенный Цампиери –
Мой гениальный тезка – также здесь...

(Еще пьет.)

И все они с любовью и с почтением
Торжественно взирают на меня
И говорят: «Достойный наш собрат!
Наполнив наши кубки золотые,
Мы чокнемся во здравие искусства,
Обнимемся – и вместе в путь пойдём
К сияющему храму вечной славы...
Мы гении, мы высшие земли!
Во храме том мы с гордостью воссядем
На благовонных лавровых венках,
Амврозией хвалений упиваясь,
И будем трактовать лишь об искусстве,
Зане другая речь нам неприлична...»

(Долгое молчание.)

Опять мечта... Проклятая мечта!..
Бы, демоны, смеетесь надо мною?..
Ну, смейтесь, смейтесь, – я и сам смеюсь.

Удар грома.

Сильнее, гром! тебе не заглушить

Стенания растерзанного сердца!..

Другой удар сильнее.

Вот так! – И то не громко; посильнее!..
О, если б мне стихии покорялись!..
Одним ударом я б разрушил мир
И молнией спалил бы все картины...
Пусть гибнет все... Пощады ничему!
И первое погибни ты, Искусство!..
Искусство вздор... Оно на дне бутылки,
Вот где оно, искусство!.. Пить и пить...
Страстям своим... отважно предаваться,
Роскошничать и в неге утопать –
Вот жизнь!.. И Рафаэль так жил...
И я...

(Засыпает.)

Гром и молния. Фетти спит непробудным сном... Освещенная молнией, бледная и худая, с распущенной косой появляется Анунциата и останавливается перед спящим Фетти.

Анунциата

Богохулитель дерзкий!
И это ты, что обещал так много,
Ты, кем была я некогда горда,

Кому вполне безумно предавалась,
Кем я жила и страстно упивалась, –
И это ты, мой светлый идеал?
Проклятие! Ты дерзостно попрал
Святыню чувств, надежд и вдохновений,
Ты погубил в зародыше свой гений,
На полпути к бессмертию ты пал!

Фети просыпается и с ужасом смотрит на Анунциату.

Фети

О, боже! прочь ужасное виденье...
Анунциата!!! Это страшный сон
Иль совести тревожное явленье?!
Я без того разбит и сокрушен...
Анунциата, ты ли?..

Анунциата

Это я!
Я – казнь, тебе ниспосланная свыше!..
А! ты узнал меня!.. Да, это я, –
Твоя Анунциата!.. Это я,
Доминикино Фети!.. Гляди, гляди,
Я мало изменилась. Не правда ли?
.....
Проклятие, проклятие тебе!

Фети

(упадая пред нею на колена)

Не проклинай! Не я, не я, а люди –
Виновники погибели моей!
У ног твоих позволь мне умереть,
Дай выплакать у ног твоих прощенье...
Не я, не я, – а люди!.....

.....

Довольно!.. Кто не признает моего труда гениальным, громадным, шекспировским, кто не станет предо мной на колени, тот не понимает искусства, не понимает!.. Сам же я, повторяю, доволен – и преклоняюсь перед моим созданием...

Дивно! сердце не все тоска обуяла, когда
С милым фантазии чадом пришлось расставаться.
Долго тебя я голубил в мечте, как святыню;
Много с тобою бессонных ночей проводил я сам-друг;
Читал, перечитывал снова – и купно с друзьями
Звуками, мной порожденными, всласть упивался!
Бедное чадо мое! ныне идешь ты на суд кривотолков.
Мужайся! искусство для них не искусство, – игрушка.
Взором бесстыдным своим люди тебя оскорбят,
Но прекрасного участь *(поверь мне)* всегда на земле
такова!

Новый поэт

(1847)